

ЖЕНАТЫЙ И (НЕ) МОЙ

ТИНА РАММ

Тина Рамм

Женатый и (не) мой

«Литнет»

2025

Рамм Т.

Женатый и (не) мой / Т. Рамм — «Литнет», 2025

– Как там говорится? Наша Таня громко плачет, – ядовито усмехается Лена. – Ну поплачь, может легче станет... – Я ведь не знала! Не знала, что он женат! – отчаянно всхлипываю. – Не знала? А кольцо на пальце тебе ни о чем не говорит? Сердце, рискуя взорваться, бьется в припадке. Я отворачиваюсь, сглатывая предательские слезы. Он говорил, что развелся давно, а носить кольцо – привычка. – Глупая, глупая Таня... Он развлекался с тобой, девочка, когда наш брак был на грани. Сейчас все наладилось, и он выкинул тебя, как тряпье ненужное. Обманул. Предал. Не только меня, но и свою жену. – У нас ребенок будет. Думаешь, между тобой и нашим малышом он тебя выберет? Я прикладываю пальцы к дрожащим губам. Конечно нет, он никогда не выберет безродную сироту. Он успешен, богат, уверен в себе, и... женат. А мне остается в одиночку растить “последствия” нашего романа. ХЭ для главных героев сильная героиня море стекла

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	35
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Девочка отдала ему сердце. Он принял его молча, никогда не предлагая своего взамен.

Давид

– Лен, я же предупреждал, что задержусь. Не делай мне мозг.

Следом из динамиков раздается истеричный визг жены. Я нажимаю на педаль газа, перестраиваясь в соседнюю полосу. Пробки на дорогах чертовски сильно раздражают, а нескончаемый поток слов, вылетающий изо рта жены, подливает масло в огонь.

– Уже почти одиннадцать ночи, Давид! Ты обещал приехать сегодня раньше! – не унижается Лена.

Резко выдыхаю. Как же раздражает, твою мать.

– Хватит истерить! Выкроила для мужа время между шопингом и посиделками с подругами?

Нервно постукиваю пальцами по кожаному рулю. Не выдержав, вытаскиваю из заднего кармана пиджака пачку, выбиваю одну сигарету, чиркаю зажигалкой и закурываю прямо в салоне. Приспустив вниз стекло, выдыхаю в узкую щелочку.

– Давид... – елеинным голосом мурлычет жена, быстро переобувшись. – Я же тебя так ждала! Комплектик новый прикупила... Красный кружевной, как ты любишь.

Лена всегда так делает, когда не удается истериками получить желаемого. Превращается в ласковую домашнюю кошечку. А мне от этого тошно. Даже красное кружевное не оказало должного эффекта. Боюсь, что на меня больше ничего не действует.

С тех пор как Лена превратилась в пустышку, а точнее будет сказать, с тех пор, как у меня появились большие деньги – наш брак стал невыносимым. Жена утратила былую уникальность и природную застенчивость, превратившись в лицемерную светскую львицу. Общается она только с теми людьми, кто не ниже нас по статусу, а то и выше.

Обычно мне плевать, но иногда она несет такую грязь, что мне самому становится тошно. Ее интересуют только шмотки, рестораны и цацки. А я просто перестал ее хотеть. И в постели, и в своей жизни.

– Не хочу, Лен. Устал. Подогрей ужин к моему приезду, – произношу устало, заранее зная ответ.

– Ой, а я не успела ничего приготовить!..

Шумно втягиваю через нос воздух, задерживая дыхание. Дыши, Давид, успокойся. Знал же, что жена поленится даже доставку заказать. Нужно было заехать в какой-нибудь ресторан.

Впереди стоящий автомобиль дергается, и я выжимаю педаль газа. Пробка рассасывается, и я прибавляю скорость.

– Заказать доставку? – понижает голос. Уже представляю, как Лена часто хлопает ресницами, смотрит виновато, думая, что этот трюк сработает. Давно перестал на него вестись.

– Не нужно! – срываюсь.

– Почему ты кричишь на меня?

– Я не кричу!

Кручу руль вправо, и на дороге, из ниоткуда, вырастает мальчишка с портфелем за спиной.

– Черт! – пытаюсь вырулить и объехать его.

Вспышка фар. Копна темный волос. Глухой удар. Педаль тормоза.

– Что случилось, Давид? – доносится взволнованный голос Лены из динамиков приборной панели.

– Бл@ть!

Быстро сбросив вызов, распаиваю дверь, пропуская прохладный воздух в салон. Подбегаю к капоту и вижу тело девушки под колесами моей тачки. Рядом сидит тот самый пацан, схватившись за разодранную на колене штанину, и ошарашенно пялится на меня.

– Твою мать...

Почему именно сейчас то, а? Прямо перед открытием новой франшизы?..

Склоняюсь над девчонкой, проверяя двумя пальцами пульс на тонкой шее. Горячая. Пульсирует. Живая...

Убираю темные волосы с лица. На лбу – небольшая рана, некоторые пряди прилипают к липкой крови на голове. Глаза закрыты. Россыпь веснушек на носу.

Прыгнула мне под колеса, спасая пацана.

Дура.

Глава 2

Давид

Не требуется много времени, чтобы вокруг нас собралась толпа зевак. Кто-то спрашивает, не нужна ли помощь, кто-то со скучающим видом тупо снимает происходящее на телефон.

– Скорую нужно вызвать! – доносится над ухом незнакомый голос.

– Вызывайте, – бросаю грубо.

Не знаю, как подступиться к девчонке. Вдруг переломал ее? Сейчас трону неправильно и еще хуже сделаю. Молоденькая совсем, худущая. Пусть лучше лежит до приезда медиков.

Внимание переключается на испуганного пацана.

– Ты че под колеса прыгаешь? – киваю в его сторону, и он дергается от неожиданности.

– На проезжую часть летишь!

Глазище на пол лица, бледный, как будто сейчас стошнит. И действительно, спустя мгновение его выкручивает всем содержимым желудка.

Встаю на ноги, иду к машине и достаю из бардачка бутылку минеральной воды. Приподнимаю пацана и сую в руки воду.

– Пей!

Послушно пьет, а потом пытается отдышаться.

– Легче?

Лихорадочно кивает. От страха говорить разучился. Ремешки портфеля порваны, штанина на колене разодрана, с подбородка капает кровь. Видать, проехался коленом и лицом по асфальту, когда девчонка его с дороги вытолкнула.

Достаю из кармана чистый носовой платок и прикладываю к окровавленному подбородку. Шипит от боли.

– Что болит? – хватаю пацана за плечи. Знаю, что и так напуган, но никак не могу сбавить тон. Самого трясет не по-дестки.

Молчит.

– Говори, что болит! Голова? Конечности? Что?

– Н-н-ничего, – качает головой.

Облегченно выдыхаю. Это хорошо. На одну проблему меньше.

– Сейчас скорая приедет, поедешь с ними, посмотрят там тебя. КТ, рентген, провериться все равно надо.

Кивает, не сводя с меня взгляда. Секунду спустя его глаза опускаются на лежащую на асфальте девушку.

– А с ней что?

Мой взгляд следует за ним. Медового цвета волосы непростительно рассыпаны по грязному асфальту.

– С ней не знаю. Надеюсь, пронесло, – устало растираю ладонями лицо. – Она жизнь тебе спасла, понимаешь?

В больнице оказываемся спустя двадцать минут. Девушку тут же увозят в отделение неотложной помощи, а я с пацаном остаюсь. Пока ему МРТ всего тела делают, я связываюсь с его родителями, сообщаю о случившемся и называю адрес больницы.

– С мальчиком ничего серьезно, – говорит дежурный врач, рассматривая запись с МРТ.

– Пару ушибов, переломы и внутренние кровотечения отсутствуют.

Встречаемся с пацаном взглядами. Я – облегченным, он – испуганным.

Сегодня выдался чертовски сложный день, до жути хотелось вернуться домой, быстро принять душ и уткнуться мордой в подушку. Но случилась эта проклятая авария, и хоть с пацаном все хорошо, меня еще ждут разборки с его взволнованными родителями.

Проклятье.

– А с девочкой что? – спрашиваю с напором.

– Вывих голеностопного сустава и небольшая черепно-мозговая. Жить будет.

Обсуждаем с врачом перевод девчонки в платное отделение и расходы на лечение. А потом, сам не зная зачем, захожу в ее палату. Рана на лбу уже заклеена пластырем, на стопе – белая повязка.

Бледная, как смерть, и на фоне почти прозрачной кожи особенно отчетливо видны алые пухлые губы и россыпь веснушек. Не могу отвести от нее взгляд, что-то есть в ней притягательное. Нужно остаться и дожидаться, когда очнется. Проблемы мне не нужны, откуплюсь деньгами. Со всеми прокатывало. С виду из простой семьи, сапоги потертые, куртка потрепанная и изношенный рюкзачок.

Внезапно ловлю себя на мысли: красивая, аж дыхание сбивается.

Глава 3

Таня

Чувствую на себе взгляд... Обжигающий, парализующий, такой, что вдоль позвоночника бегут мурашки.

И отчетливо ощущается чье-то присутствие рядом. Пытаюсь проснуться, дергаюсь, но снова падаю в небытие.

Веки такие тяжелые, что мне с трудом удастся открыть глаза. Часто моргаю, пытаюсь избавиться от тумана перед глазами, и первое время не понимаю, где нахожусь.

А потом начинается ад: ноющая боль простреливает голову, разливаясь от затылка ко лбу; слуха касается раздражающий писк приборов, усугубляющий головную боль, а во рту концентрируется горький, неприятный вкус. Но апогеем всего становится простреливающая боль в правой лодыжке.

Я привстаю на локтях и понимаю, что нахожусь в больнице. По пояс накрытая белым покрывалом.

– Ай! – локти тут же пронзает болью. Я поворачиваю руку и вижу свежие ссадины.

В голове медленно начинает складываться пазл: помню, как возвращалась с работы, увидела мальчика, перебежавшего дорогу в неположенном месте, а дальше действовала на инстинктах.

Ну, конечно... Меня сбила машина.

Господи, надеюсь, я не умерла? Первая мысль: на кого я оставлю Славику? Он же пропадет без меня. Пытаюсь двигать пальцами ног, и когда лодыжка начинает болезненно ныть – облегченно выдыхаю. Боль – явный признак жизни.

Оглядываюсь по сторонам: все вокруг такое навороченное, чистое и блестящее. Легкие наполняются запахом спирта и эфира. Замечаю кнопку вызова медсестры и не раздумывая, тыкаю на нее. Так хочется пить, что горло саднит.

Спустя всего несколько секунд, в палату входит мужчина в белом халате, а за ним семенит низенькая медсестра.

– Добрый день, меня зовут Павел Аркадьевич, я ваш лечащий врач. Вы помните, как вас зовут? Ваш возраст?

– Татьяна Данилевская, двадцать один год.

– Вы попали в аварию, Татьяна. Как вы себя чувствуете? – продолжает врач.

– Н-нормально, – слова получаются хриплыми. – Пить хочется.

Медсестра тут же передает мне стакан воды.

– Голова не кружится? Смотрите прямо на меня.

А затем доктор светит фонариком мне прямо в глаза, водит его в разные стороны, а после что-то чиркает в своих заметках.

– У вас черепно-мозговая травма, и вывих лодыжки, – я киваю. То, что у меня что-то с ногой я сразу поняла. – Понаблюдаем за вами еще пару дней.

Я широко распахиваю глаза и, вскакиваю и спешу опустить ноги вниз. Конечно же, любое действие отдается болью во всем теле. Хорошенько меня задело.

– Мне нельзя отлеживаться здесь! Мне на работу, меня же уволят!

В голове тотчас выстраивается логическая цепочка: за пропуск меня увольняют, нам со Славику не на что даже еды купить, и да здравствует нищая жизнь!

– Да какая работа? – ворчит медсестра, хватая меня за плечи. – Татьяна, пожалуйста, успокойтесь. Вы сейчас упадете!

И действительно, голова идет кругом, а перед глазами начинают мелькать черные мушки. Я возвращаюсь в прежнее положение, раздосадованно терзаю нижнюю губу.

Ничего они не понимают!.. Не знают, что такое, когда желудок сводит голодным спазмом, каково это жить на крошечное пособие, на которое даже зимнего пуховика не купишь, не знают, что подошва моих осенних сапожек на клею держится третий год!

– Выздоровливайте! – с этими словами врач покидает палату, пока медсестра продолжает возиться в трубками от капельницы.

Вдруг я замечаю, что палата одиночная, напротив окна журнальный столик с кожаным диваном, свой мини-холодильник и собственный санузел. Вдоль позвоночника бегут мурашки, прямиком к копчику, а в горле моментально пересыхает. Я привыкла обдумывать свои действия наперед. Так бывает, когда жизнь из раза в раз подкидывает новые трудности.

– О, боже! – выпаливаю без раздумий. – Сколько же это все стоит? Это же не бесплатная палата? Я не смогу это все оплатить!

Я снова вскакиваю, скидывая одеяло. Краем глаза замечаю повязку на своей лодыжке.

– У меня нет столько денег!

– Уже все оплачено, не переживайте!

– Как это оплачено? Кем?

– Мной.

В палату входит мужчина. Заполняет своим телом почти все пространство и мне тотчас становится тесно в просторной комнате.

На нем костюм цвета синего индиго, но его одежда точно не для офиса. Слишком уж он раскован. Три верхние пуговицы рубашки расстегнуты, обнажая мускулистую шею и толстую линию чернил ниже ключиц. На вид ему лет тридцать пять.

На секунду я так ошеломлена, что не могу вымолвить ни слова. Я снова чувствую это: волоски на всем теле встают дыбом, а щеки обдаёт жаром. Это он смотрел на меня, когда я была без сознания! От понимая, что я находилась в отключке наедине с этим... незнакомцем, меня передергивает от паники.

Я снова смотрю на мужчину. Исходящая от него аура давит на меня, заставляет нервничать, и я начинаю теревить дрожащими пальцами покрывало.

– Это вы меня сбили?

– Я, – спокойным непоколебимым голосом.

Я хмурюсь. Из-за него мог погибнуть тот мальчик.

– Что с мальчиком? – вздыхаю тихо, поднимая на мужчину глаза.

– Жив и здоров, – на лице ледяная маска. – Зачем спасла его? Погибнуть могла.

Отворачиваюсь. В голове тотчас возникает образ моего младшего брата Славика. В горле набухает ком от одной мысли, что с ним могла произойти страшная авария.

– У меня младший брат его возраста, – произношу сдавленно. – Я не могла поступить по-другому.

Я встречаюсь с ним взглядом. Мужчина смотрит на меня с нескрываемым интересом, склонив голову набок. Словно я – восьмое чудо света.

Глава 4

Таня

– Позвони своим родителям, – проговаривает с напором, продолжая смотреть на меня немигающим взглядом. Он может перестать так смотреть? Я чувствую жутчайший дискомфорт, и никак не могу расслабиться в его присутствии.

– Я не могу, – отвожу взгляд к окну и начинаю терзать нижнюю губу. – У меня нет родителей.

Не хочу встречаться с ним взглядом. Знаю, что увижу в его глазах намек на жалость, а я этого не выношу. Меня начинает колошматить, когда люди, узнав о том, что я сирота безродная, начинают изощряться. И чаще всего это сострадание напускное.

Все же позволяю себе мазнуть по мужчине взглядом. К моему огромному удивлению, я не нахожу даже намек на жалость. В глазах – арктический лед, а на лице плотная маска равнодушия.

– Черт!.. – встрепенувшись, вспоминаю про Славика.

Схватив с прикроватной тумбы свой старенький смартфон, начинаю тыкать по разбитому экрану – не включается.

– Эм... – поднимаю глаза на мужчину. – У меня телефон не включается, можно позвонить с вашего?

Подходит к моей койке и молча протягивает навороченный айфон. Я даже боюсь дышать, когда набираю номер Славика. Еще никогда в жизни не держала в своих руках такую дорогую вещь.

– Алло, Славик, это Таня.

– Танюх, ты куда пропала! – доносится из динамиков раздраженный голос братика, а на фоне звучат выстрелы и разговоры на английском. – На телефон не отвечаешь! Я до тебя третий час дозвониться не могу!

– Славик, я в больнице, меня машина сбила.

– Ммм, а придешь то когда? Я есть хочу!

В груди начинает неприятно царапать от равнодушия единственного родного человека, и я сглатываю наполнившую рот горечь.

– Я не знаю... У меня что-то с ногой, я даже не знаю, как до дома доберусь, – проговариваю тихо, чтобы незнакомец меня не услышал. – Ты забеги к Наде, она тебя накормит. Или позвони Антону.

– Лан, – на фоне снова взрыв из компьютерной игры.

– Слав, подожди! – напрягаюсь. – Ты придешь меня навестить?

– Ладно, Танюх, не отвлекай, а!

И сбрасывает трубку. Я чувствую себя такой опустошенной и разбитой, что несколько секунд плююсь на экран, не додумавшись вернуть телефон владельцу. Он даже не спросил в какой я больнице... Как обидно то! Аж слезы наворачиваются!

В поле моего зрения появляется мужская рука и я, спохватившись, возвращаю телефон.

– Спасибо... – выходит глухо и сдавленно.

– Послушай меня внимательно, Таня... – начинает он уверенно. – Надеюсь, обойдемся без заявления. Я в этой истории не виноват, пацан сам перебежал дорогу в неподобающем месте. Мне эта волокита с больницей, передачками нахрен не нужна. Дам тебе налом отступных, купишь себе платье новое, мне все равно. Братишке шоколадку. Лечение твое проплачено, за это можешь не переживать.

Он начинает отсчитывать купюры в бумажнике, а потом, плюнув на это, вытаскивает все деньги. Кидает на покрывало внушительное количество красных купюр, и бесстрастно возвращает бумажник на прежнее место.

А меня словно в грязи изваляли. По щекам тотчас ползет жар, и я чувствую себя выброшенной в огненную яму.

– Мне не нужны ваши деньги! – стискиваю челюсти. – Ненавижу таких людей как вы!

Мне становится тошно от него, от этой ситуации в целом.

– Это каких же? – спрашивает совершенно беззаботно.

– Таких, кто думает, что все в этом мире можно купить!

– В это мире действительно все можно купить, Веснушка.

Он усмехается, и я дергаюсь от его последнего слова. Веснушка? Это что за прозвище такое? Если до этого я старалась на него не смотреть, то сейчас яростно поднимаю глаза. На его лице – нескрываемое веселье. Он потешается надо мной! Чертов циник!

– Не нужно покупать мое молчание, я и не собиралась писать на вас заявление. Заберите свои деньги обратно.

Да, мы со Славой нуждаемся в деньгах. С тех пор, как мама умерла от пневмонии, мы с братом живем на скромное пособие, которого едва хватает на продукты. Но я ни за что на свете не продам свою гордость за парочку пяти тысячных купюр. Наверное, дура, зато совесть чиста.

– Как знаешь.

С этими словами незнакомец разворачивается на пятках и выходит из палаты. А мой яростный взгляд приковывается к пачке денег у моих ног.

Глава 5

Давид

– Явился, – едко произносит Лена, вцепившись в меня прищуренным взглядом. Стоит в дверном проеме, подперев плечом дверной наличник, и скрещивает руки на груди. Следит презрительно, отслеживает каждое движение.

– В аварию попал. Пацана сбил и девчонку.

Произношу отстраненно, на ходу снимая верхнюю одежду.

– Мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее, Багиров! – выплевывает свой яд. – Скажи правду, ты мне изменяешь?

Да твою мать. Пытался ведь избежать скандала.

– Хватит чушь пороть. Когда мне изменять? Я целыми днями в сервисах торчу. Готовлюсь к открытию твоего ресторана.

Вхожу спальню. Лена семенит за мной.

– Думаешь, я не знаю, чем ты там на своей работе занимаешься? – взвизгивает. В глазах жены пылает злость и обида.

– Зарабатываю бабки на твоё шмотье, от которого твоя гардеробная ломится.

Расстегиваю пуговицы на рубашке, не сводя взгляда с перекошенного от гнева лица жены. Единственная причина, по которой мы с Леной еще не развелись – это надежда на то, что этот брак можно спасти.

– Как ты смеешь приходить домой после того, как трахал своих шлюх? – не унимается она.

И тут у меня срывают предохранители. В два широких шага я преодолеваю разделяющее нас расстояние, хватаю жену за локоть и притягиваю к себе.

– Ты находила трусы в моем бардачке?

Пищит и недоумевающе хлопает нарошенными ресницами. Рычу прямо ей в лицо.

– Отвечай, Лена!

– Нет..

– Засосы на моей шее замечала, или помаду на рубашке?

– Нет!.. – срывается на крик.

– Или лично видела, как я трахал другую в нашей постели?

– Нет! Пусти, Давид! – отшатывается от меня, потирая место моей хватки.

– Вот и не распыляйся необоснованными обвинениями. Не доводи до греха, иначе я реально любовницу заведу.

– Если ты мне изменишь, я папе все расскажу! – на последнем слове ее голос надламывается и Лена убегает в слезах из комнаты.

Ее слезы больше меня не трогают. В последнее время у нее вошло в привычку манипулировать ими. Раньше бы я побежал за ней, обнял, приласкал и успокоил. А еще извинился бы. Обязательно извинился.

Любил потому что эту женщину. По-настоящему любил. Пацаном еще в нее втрескался, голову потерял.

Помню, сколько усилий приложил, чтобы ее высокопоставленный отец принял меня, парня, без роду и племени. Как с низов поднимался, крутился, как белка в колесе, работал по двадцать часов, изошрялся, лишь бы соответствовать Елизаровой Лене – первой красавице города и дочери губернатора.

И вот сейчас я – успешный бизнесмен с несколькими автосервисами в разных точках города, собирающийся открывать жене ресторан... А мной все равно недоволен! Для ее папаши я стараюсь недостаточно, а для самой Лены я предатель, изменник и кобель.

В висках стучит. Адски хочется курить. Выхожу на лоджию, выбиваю последнюю сигарету из пачки. Знаю, что Лена сидит сейчас в своей гигантской гардеробной и сопли на кулак наматывает. Достала с беспочвенными обвинениями.

Докурив, тушу окурок о пепельницу и заваливаюсь спать, а перед глазами навязчиво возникает женский образ, веснушки и зеленые глаза.

На работу вваливаюсь в хреновом расположении духа. Не помню уже дня, когда улыбался просто так или смеялся от души. Здоровуюсь с мужиками, дергаю дверь на себя и замираю на пороге своего кабинета.

На моем кресле, развалившись, сидит мой “любимый” тесть. Взгляд оценивающе скачет по интерьеру кабинета, потом прыгает на мое лицо, все также оставаясь критикующим.

– Доброе утро, Семен Юрьич, – бросаю глухо.

– Опаздываешь, Давид, – хмыкает, не думая встать.

Меня всего коробит от пренебрежения в его голосе, от доминирующей позы и осуждающего взгляда. Колошматит от факта, что он сидит за моим столом и даже не собирается освободить место. Мы с Леной восемь лет в браке, а он до сих пор не посчитал меня достойным своей любимой и единственной дочери.

Это я только в последние годы понял, что никогда не смогу заслужить одобрения тестя, а ведь, будучи зеленым, пытался прыгнуть выше своей головы. И получалось ведь, бизнес с нуля построил, только вот надоело землю мордой рыть.

– Ваши часы торопятся, – пожимаю плечами и подхожу к своему столу, начиная собирать нужные документы.

– Леночка звонила вчера ночью.

Началось.

– И что Леночка говорит? – хмыкаю равнодушно, пробегая глазами по месячной прибыли. Нужно позвонить Свете – нашему бухгалтеру, потом съездить на встречу с Ковалевским.

– Давид, кажется, когда я отдавал тебе свою дочь, взял с тебя обещание, что ты будешь заботиться и лелеять мою дочку. А вчера я стал свидетелем ее ночной истерики. Она матери звонила, а ее плач был слышен в другом конце комнаты. Она была в ужасно растрепанных чувствах.

– Я вчера задержался на работе, а Лена все утрирует.

Толстые пальцы Степана Юрьевич медленно хватают папку перед моими глазами, и он опускает ее вниз, заставляя меня поднять голову.

– Леночка сказала, что ты ей изменяешь.

Задолбало. Вечно оправдываться, угождать, лебезить. Тесть привык руководить людьми и считает, что наши родственные отношения подкрепляют его вечные придирки и внезапные наезды. А ведь поначалу я молчал. Когда надо говорил, во время затыкался. Бегал, как псина за хозяином.

– У Лены есть склонность к излишнему драматизму, вам ли это не знать. Особенно в случаях, когда я по уши в делах, подготавливая ее ресторан к открытию. Вчера мы с ней поговорили, я объяснился, но то, что она не захотела меня услышать – ее зона ответственности.

Тесть хмурит седые брови, раздувает широко ноздри. Ему не понравился мой ответ. Его устроило, если бы я заткнулся, побежал в ближайший цветочный покупать жене цветы и вымаливать прощения у обожаемой Леночки.

Он медленно встает с моего кресла, упирается кулаками в поверхность стола и смотрит на меня исподлобья.

– Не теряйся, Давид. В себя приди и не забывай, кто тебя на ноги поставил, – говорит с напором, склоняясь ко мне. – Забыл, кто тебе дал стартовый капитал?

Да черта с два!

– Одолжили, Семен Юрьич, – с грохотом кладу папку на стол. Впиваюсь взглядом в тестя.
– Вы мне эти деньги одолжили. И я вернул вам все до копейки с первой выручки.

Семен Юрьич отмахивается от меня, как от надоедливой мухи.

– Сути дела не меняет. Без Лены ты никто. Если посмеешь развестись с ней, или изменить, по миру тебя пушу.

Зуд начинается где-то под кожей и распространяется по всему телу. Твою мать, меня сейчас разорвет от гнева. Если я услышу еще один упрек из его уст, то неизбежно взорвусь. Пальцы сами сжимаются в кулаки, а перед глазами начинают плыть красные круги.

Вздохнув, Семен Юрьич, выходит из стола и добавляет перед выходом, не меняя своего пренебрежительного тона:

– Марина вас завтра на ужин ждет. Потрудись прийти.

Проклятье, до смерти хочется курить. Дождавшись, пока тесть сядет в свою тачку и укатит к чертям собачьим, я выхожу на улицу и выкуриваю сразу две сигареты.

День пролетает очень быстро, заканчиваю его деловой встречей в ресторане за углом дома. Прыгаю в тачку, останавливаюсь перед подъездом нашего дома и даю себе время собраться с силами. От одной мысли, что дома меня ждет недовольная жена, гора грязной посуды, холодная еда из доставки – становится тошно.

Затягиваюсь никотином, выдыхаю облако серого дыма и резко завожу двигатель. Не хочу домой. Колошматит всего. По пути заезжаю в продуктовый, в круглосуточный цветочный и глушу двигатель на парковке городской больницы.

Бросаю взгляд на здание. Не знаю, какого черта я сюда сунулся. Мне эта девчонка не нравится, слишком громкая и быстро выводит меня из себя. В ней даже нет ничего привлекательного, обыкновенная деревенщина. Мне нравятся яркие женщины, сексуальные и опытные.

Но какого-то черта я выхожу из машины и следую к главному входу. Милая медсестричка на дежурном посту сообщает мне, что приемные часы закончились, но мне удастся договориться.

Вхожу в палату. Веснушка сидит на своей кровати в полнейшей темноте. Смотрит в окно, не обращая на меня никакого внимания. Взгляд тоскливый, грустный и совершенно потерянный.

Но все меняется, когда она замечает меня.

♥ ♥ ♥

Приветствую всех своих читателей на моей новой истории! Не забываем отложить книгу в библиотеку и поставить "Сердечко - мне нравится"

Если отложите книгу в библиотеку, то гарантировано будете получать уведомления о новых главах)

Глава 6

Таня

Славик сидит на стуле в углу палаты, и увлеченно убивает монстров на своем телефоне. За все время нахождения здесь, он ни разу не поднял голову, за исключением короткого “привет” полчаса назад.

– Нехилая палата, Танюх, – говорит Антон, и я перевожу взгляд на него. Он сидит у изножья кровати и с особым любопытством разглядывает интерьер вокруг.

Я хмурюсь от этого прозвища. Сначала Антон стал меня так называть, а следом и Славик, который все повторяет за ним. Не пересчитать по пальцам, сколько раз я просила их прекратить меня так называть, но меня никто не слушает.

Антон – мой парень, с которым мы встречаемся полгода. Он обычный парень, гоняет на девятке, работает в автосервисе недалеко от нашего дома, звезд с неба не хватает. Под стать мне.

– Че в этой больнице везде такие крутые палаты?

Я съеживаюсь от его вопроса. Мне не хочется сообщать ему, что это палата повышенного комфорта, но выхода у меня нет. Я никогда не умела врать, стоило неправде слететь с моего языка, кожа лица тут же покрывалась красными пятнами. Поэтому я предпочитаю говорить правду.

Время моего молчания затянулось поэтому Антон склоняет голову набок, отчего его светлая челка падает на глаза.

– Это платная палата, – отвечаю скомкано, снова переводя взгляд на Славика.

– И сколько это стоит? – Антон хмурится. У него сейчас проблемы с деньгами и думает, что это ему придется оплачивать все медицинские расходы.

– Я не знаю, – пожимаю плечами. – Виновник аварии все оплатил.

– А, это другое дело, – хмыкает он. А мне тяжело жить здесь за чужой счет, пусть и этот мужчина виноват в аварии. Я привыкла все сама. Мир бы не перевернулся, если бы я лежала в обычной многоместной палате. – Танюх, ты давай, поправляйся! Без тебя так скучно стало, никто не готовит, не убирается.

Я натягиваю дежурную улыбку. Антон раньше мог остаться у нас на одну ночь, когда провожал меня до дома, сейчас он практически переехал в наше скромное жилище. Ему от нас до работы ближе. Я снимаю комнату в коммуналке, нам вдвоем со Славиком тесно, но не могу же я своего парня прогнать. В тесноте, да не в обиде.

– Антош, ты присмотри за Славиком, пожалуйста. Он ничего сам не может.

Мы оборачиваемся и оба смотрим на моего младшего брата. В этом году ему четырнадцать, но единственное, что его волнует – виртуальная реальность.

– И спасибо за фрукты и цветы, – натягиваю улыбку.

– Да без б, – он широко улыбается, демонстрируя милые ямочки. – Погнали, Слав, мне еще на работу заскочить надо.

Славик поднимает глаза, пару раз моргает, послушно встает со стула, но не проходит и секунды, как он снова утыкается в гаджет.

– Давай пока, Танюх, – бросает перед уходом, не поднимая головы.

Они уходят, и я снова остаюсь в палате одна. Вздохнув, я с трудом встаю с кровати и, опираясь на костыли, ковыляю к столу у окна. Задержав дыхание, я беру подаренные Антоном лилии в целлофане и кидаю их в мусорный пакет.

У меня аллергия на лилии, а мой парень никак не может это запомнить.

Туго завязываю пакет и возвращаюсь к кровати. Нужно не забыть попросить медсестру забрать эти цветы, пока я не умерла от удушья.

Спустя всего час начинает темнеть. Взяв с прикроватной тумбы книгу, я открываю ее на последней прочитанной странице. Но смысл строк никак не откладывается в моей голове. Мысли врассыпную. Отложив в сторону книгу, я выключаю лампу и всматриваюсь в окно.

Думаю о том, какой тяжелый период меня ждет. Во время аварии повредился мой телефон. На экране появилась новая трещина. А еще он больше не включается. Ему уже почти девять лет, хорошо, что он вообще мог функционировать. Нужно будет купить новый телефон. Не думаю, что смогу сразу потянуть новенький смартфон, возможно придется “наслаждаться” бу. В этом году Славику нужно будет купить новый зимний пуховик. Его уже совсем износился. Сама я эту зиму прохожу в своей осенней курточке. Ничего, я уже привыкла к вечному холоду из-за одежды не в сезон. Брату нужнее, он ребенок. Ко всему этому добавляется увольнение. Не думаю, что начальница станет терпеть мои отгулы. Вряд ли я быстро встану на ноги.

Камень на душе увеличивается с каждой моей мрачной мыслью. Становится невыносимо дышать. Не помню, когда я просто жила, а не выживала. Наверное, когда мама была жива.

Мое внимание привлекает скрип двери. Я дергаюсь, заметив на пороге мужскую фигуру. Руки тянутся к выключателю, и палату заливают яркий свет.

– Вы меня напугали!

– Я постучался, – не дождавшись моего разрешения, виновник аварии входит внутрь.

А я ведь даже имени его не знаю.

– Вы не стучались. Я бы услышала.

На что он хмыкает, подходит к столу и ставит на него увесистый пакет с продуктами и охапку красных роз.

Я пялюсь на огромный букет. Это... мне? Я такой только в витринах видела.

– Как вас вообще пустили? – хмурюсь, поглядывая на время. – Приемные часы давно закончились.

– Деньги многое решают, помнишь, Веснушка? Прибавить к этому мужское обаяние и получается беспроегрышный вариант.

– Пф-ф, – я закатываю глаза. У кого-то нарциссическое расстройство личности. – Я даже имени вашего не знаю, а вы подкрадываетесь ко мне в палату глубокой ночью.

Он разворачивается ко мне.

– Боишься, что я маньяк-убийца? – ухмыляется, приподнимая правый уголок рта.

Ловлю себя на мысли, что он... притягательно красив. И в целом, очень хорош собой, за исключением его синдрома главного героя. Нарочито небрежная щетина, придающая брутальности, густые ресницы, обрамляющие карие, почти черные глаза, и дорогой костюм.

Настоящая мужская красота. Опасная. Хищная.

– Тебе не стоит переживать, Веснушка. Щупленькие угловатые девочки не в моем вкусе. Черт. Забудьте все, что я сказала о нем ранее. Обыкновенный хам.

– Ваше имя? – произношу со всей твердостью в голосе.

– Как строго.

Я откашливаюсь, посылая ему убийственный взгляд, но мужчина лишь весело ухмыляется.

– Ваше имя? Иначе я позову сюда мед персонал.

– Давид Багиров. Отчество нужно? Фактический адрес проживания?

– Не издевайтесь!

– Не будь занудой, – подначивает он меня. Он присаживается на стул, вытягивая свои длинные мускулистые ноги. – Расслабься, девочка. Ты слишком много думаешь.

Он даже не представляет насколько. Но я не могу по-другому. Я привыкла думать стратегически с тех пор, как... лишилась родителей.

– Зачем вы приехали? – произношу глухо.

– Проведать тебя. И к чему эта формальность? Я старше тебя на десять лет.

– Мне двадцать один.

– Ладно, на четырнадцать.

Я молчу. Склонив голову набок, Давид изучает меня, не пытаясь скрыть легкую улыбку. Я тоже с любопытством разглядываю его. На него просто приятно смотреть. Он красивый мужчина, и вопреки природному хамству, он вполне приятный. Я никогда раньше не разговаривала с людьми его статуса. А тот факт, что Давид является членом высшей прослойки общества – неоспорим. Немного грубиян и хам, но у богатых свои причуды.

– Куда дела деньги? Забрала?

Внезапно я осекаюсь. Мне словно дали смачную пощечину. Почувствовав, как щеки покрываются румянцем, я отворачиваюсь.

– Только потому что я думала, что ты не вернешься, – прячу глаза, отворачиваясь всем корпусом. Отчего-то я чувствую себя воровкой.

Тот факт, что нам со Славиком эти деньги пригодились бы как никогда кстати – умалчиваю.

– Я сейчас все верну, – хватаю с тумбы свой рюкзак и начинаю в нем рыться.

Боковым зрением вижу, как Давид встает, в два широких шага преодолевает расстояние между нами и выхватывает из моих рук рюкзак.

– Я пошутил, Веснушка. Оставь их себе. Купишь новый рюкзак, – он указывает на оторвавшуюся лямку.

Я поднимаю голову и смотрю на него снизу вверх. Он впервые так близко, что в нос проникает запах одеколона с нотками мужского пота. Поразительный коктейль. Такой приятный, что у меня затягивается узел внизу живота.

Но такой эффект оказал на меня не только аромат его тела, но и то, как он на меня смотрит. Так, словно, собирается сожрать.

Первым разрывает зрительный контакт Давид. Он отходит к столу и совершенно равнодушно начинает доставать из пакета контейнеры

Господи, это ведь мне показалось? Конечно, показалось. Это все мое больное воображение!.. Где я и где он. Глупая.

– Я купил еды. Держу пари тебя тошнит от больничной еды.

В лунном свете поблескивает кольцо на его безымянном пальце. Я моментально чувствую, как кровь ударяет в голову. Щеки обдает жаром. Ну, конечно... Он женат. Что он забыл рядом с такой, как я, когда дома его ждет жена и дети?...

– Почему ты собираешься ужинать в компании незнакомой девушки? Разве твоя жена не готовит для тебя ужин? – без раздумий выпаливаю я. Не хочется быть чьим-то грязным секрет.

Сама чуть не смеюсь от этой мысли. Как я могу быть секретом такого мужчины, как он?

Давид замирает с контейнером семги. Медленно отложив его в сторону, и даже не посмотрев на меня, он разворачивается к двери.

– Ты права, Веснушка, – безэмоционально добавляет он, поднимая руку с часами на запястье. – Я там тебе новый телефон купил. До скорого.

Небрежно бросает он через плечо, словно делает одолжение. И покидает мою палату.

Глава 7

Давид

– Ты в курсе, что мы опаздываем? – жена пробегает мимо меня, прямиком в ванную комнату, оставляя после себя шлейф дорогого парфюма. Она в юбке и черном бюстгальтере. Без верха. – Некрасиво опаздывать на ужин к моим родителям.

Я скидываю обувь. Устало стягиваю куртку с плеч.

– Постой ка... – Лена выглядывает из ванной с недокрашенными губами. – Или ты специально тянул время, чтобы мы никуда не пошли?

Исходящее от нее недовольство практически осязаемо. Она хмурит свои светлые брови и испепеляет меня взглядом. Я молча кидаю куртку на софу и прохожу мимо, игнорируя ее нападки.

– Давид, ты меня слышишь?! – истерично взвизгивает Лена, бросая мне вслед колкие фразы. Захлопываю дверь спальни и плюхаюсь на кровать. Твою мать, как не хочется идти в дом родителей жены, весь вечер терпеть замечания тестя, и делать вид, что наш с Леной брак не трещит по швам.

До скрипа зубов хочется послать всех нахрен, и укатить за бугор.

Но все же я встаю, расстегиваю рубашку, переодеваюсь и уже через десять минут мы сидим в тачке.

– Какого хрена ты снова жаловалась своему отцу? – выпаливаю с напором, перестраиваясь в другой ряд.

– А что мне еще оставалось делать? Меня ты не слышишь, может, хотя бы папа сможет на тебя повлиять, – Лена демонстративно громко хлопает козырьком и убирает помаду в сумочку.

Пальцы рефлекторно сжимаются вокруг кожного руля. Я поддаюсь вперед и всматриваюсь в ветровое стекло.

– Думаешь этим ты сделала наш брак лучше? – мажу по ней взглядом.

– Я хотя бы хоть что-то сделала! – театрально разводит руками. – Я, в отличие от тебя, пытаюсь решить проблему, а не делать вид, что ничего не происходит!..

Откидываюсь на спинку, закрываю на мгновение глаза и растираю ладонями лицо. Как же все задолбало. Хочется обыкновенных женских ласк, и, черт возьми, понимания, а не вечных истерик и недовольств.

– Давай разведемся, Лен...

В салоне повисает молчание. Загорается зеленый, давлую на педаль газа.

– Что? – голос жены дрожит. – Повтори, что ты сказал...

Всматриваюсь в лицо Лены. Она выглядит абсолютно растерянной. Что ей совсем несвойственно... Ее лицо покраснело, губы распахнуты, а глаза лихорадочно блуждают по моему лицу.

– Мы все давно похерили. Ты давно меня не любишь, признай...

– Я люблю тебя! – вскрикивает. Лицо становится багровым. Лена вцепляется в свою сумочку ногтями.

– Нет, – качаю головой. – Ты любишь мои деньги.

– Я и без тебя никогда не нуждалась в деньгах!

Точно. Очередное напоминание про папочку губернатора.

– Деньги и красивую картинку крепкого брака.

Дальнейшая дорога до загородного дома родителей Лены проходит в глубоком молчании. Каждый думает о своем. Я мысленно подготавливаю себя к попытке, под названием “родительский ужин”. Лена, обидевшись на мое предложение, дуется, отвернувшись к окну.

А я и не лезу. Мне просто похрен.

Металлические ворота автоматически открываются, и мы въезжаем на просторную территорию резиденции Елизаровых.

– Давид, – произносит Лена хрипло. Поворачиваю голову и всматриваюсь в ее ровный профиль. Бледная, обиженная, но гордая. Задрав нос, смотрит прямо перед собой, не удостоивая меня взглядом. – Давай не будем сообщать родителям о разводе. Папа будет рвать и метать.

Дергает изящным горлом, пытается храбриться, а у самой нижняя губа подрагивает.

– У папы предвыборная кампания на носу. Если СМИ узнают о нашем разводе, будет невообразимый скандал, – режет по мне взглядом. – Нужно переждать, Давид. Несколько недель, может, месяц. А потом я тебя отпущу.

Не дождавшись от меня ответа, распахивает дверь и впускает в салон прохладный осенний воздух. Следую ее примеру. Обхожу машину и подаю руку жене. Наигранная картинка. Отлично сыгранный спектакль.

За сегодняшним ужином мы должны вновь стать самой счастливой парой на свете.

Глава 8

Давид

– Как обстоят дела с открытием, Давид? – Марина Александровна, теща, аккуратно вытирает губы салфеткой, а потом возвращает руки на колени. – Все готово?

С ответом не тороплюсь. Прожевываю кусок мяса, делаю глоток вина, только потом начинаю говорить.

– В процессе, – лаконично.

– Это будет самое громкое открытие года, – откинувшись на спинку стула, произносит тесть. Все сидящие за столом переводят на него взгляд. – От моего имени тоже будет поддержка. Конечно же, я подниму все свои связи, куплю корреспондентов, блогеров. Весь интернет будет обсуждать ресторан моей дочери. Все должно пройти на высшем уровне.

– Спасибо, папа, – произносит Лена с сияющей улыбкой, когда смотрит на своего отца через стол.

– Только есть одно но... – конечно, куда же без этого. – Мне не понравился интерьер, выбранный Давидом.

Сжимаю вилку, дышу шумно через нос, аккуратно кладу столовый прибор на стол. Ужин начинался вполне терпимо. Меня не трогали, не наезжали и даже не придирались. С тестем общались на отвлеченные темы, и я надеялся, что так и пройдет оставшийся вечер.

Но моему тестю жизненно необходимо задеть мое самолюбие.

– Интерьер выбирала ваша дочь, – чеканю с напором, копируя позу тестя. Перед глазами плывут красные круги.

– Но не без твоего содействия.

Твою мать, да он насмехается надо мной. В глазах плещется усмешка. Своей позой он пытается показать превосходство.

– Сеня... – ласково произносит теща и накрывает руку мужа своей ладонью. Чувствует витающее в воздухе напряжение и пытается сгладить ситуацию.

Семен Юрьич нарочито убирает ее руку, пригвождая жену одним взглядом. Марина Александровна поджигает губы и послушно складывает руки на коленях.

– Старомодный дизайн, никого сейчас таким не удивишь, – разочарованно качает головой. – Нужно менять, Давид. Пока время есть.

– Открытие через пару дней, – влезает Лена. Ее взгляд прыгает от моего лица, к лицу отца. – Но со временем можно внести правки.

Конечно можно. Для Лены все возможно, особенно учитывая тот факт, что она ни черта не парилась насчет открытия. Единственное, что она сделала – сутками болтала с дизайнером, обсуждая предполагаемый интерьер, и составляла меню. Остальное легло на меня. И расходы, и выкуп помещения, и найм работников и волокита с документами.

Лена привыкла, что за нее все делает либо отец, либо муж. Этот ресторан был ее мимолетной прихотью. После выкупа помещения под строительство, она мне заявила, что больше не хочет ресторан, ее душа желает цветочный магазин. А когда я ей отказал, она истерила неделю, жаловалась отцу и... лишила меня секса на месяц.

Секса у нас нет уже второй месяц. Теперь дело во мне. Теперь это я не хочу жену. Иногда спим по отдельности и не так давно Лена очнулась. Поняла, что теряет мужа.

– А мне нравится винтаж, – продолжаю грубо. Больше не церемонюсь и не сдерживаю свой пыл. Задолбало притворяться.

– Но мне то, наверное, виднее? А тебе лишь бы поспорить... – тесть поворачивается к дочери. – Я говорил тебе, Лена, что ничего путного из него не выйдет. Я все стараюсь, стараюсь из него человека слепить, а он все поперек делает.

Дорожка по которой мы шли и без того была слишком скользкой. Но сейчас, мы перешли ту невидимую черту, переступить которую было категорически запрещено.

Мои нервы вспыхивают. Я чувствую, как адреналин мощным толчком ударяет в голову. В ушах набатом отдается стук крови.

– Мы с Леной разводимся.

Три головы дергаются в мою сторону. За секунду улыбка на лице жены меркнет, и она посылает мне полыхающий взгляд. Я встречаю ее взгляд своим жестким, неумолимым, не терпящим возражений.

– Что?! Это еще почему? – взвизгивает Марина Александровна.

Смотрит на меня, широко распахнув глаза. Но когда не получает никакой отдачи, бросается на дочь:

– Лена! Что это значит!?

– Не понял сейчас... – глухо произносит тесть, и все замолкают. – Повтори, что ты сказал...

– Мы с вашей дочерью разводимся.

Семен Юрьич багровеет за одну секунду. Его грудь тяжело опускается, ноздри раздуваются. Он медленно встает из-за стола и возвышается надо мной.

– Да ты Багиров совсем охренел! – гневно рычит.

Я молча отодвигаю стул. Встаю. Больше не намерен принимать участие в этом спектакле унижений.

– Всего доброго.

Бросаю взгляд на Лену, дожидаясь ее реакции. Даю секунду ей на то, чтобы подскочила, со всеми попрощалась и ушла вместе со мной. Но она демонстративно отворачивается, задрав свой подбородок.

Свой выбор сделала, дорогая жена.

– Лена, развод – это не выход! – до меня доносятся крики тещи до того, как я вылетаю на улицу.

Прыгаю в тачку, выбиваю сразу две сигареты и наполняю легкие никотином. Курю, пока не отпускает.

По сути, я не сделал ничего сверхъестественного. Лене я не изменял, хотя имел на это полное право, брак спасти пытался, развод оттягивал до последнего, но в конечном итоге самым херовым в этой истории все равно оказался я.

Развод – не приговор. Я не болен. Близкие живы. Деньги льются рекой. И все же так хреново на душе. Не хватает чего-то важного, хрупкого, всепоглощающего. Того, что не смогла дать мне жена.

Прибавляю музыку до боли в барабанной перепонке. Лишь бы мысли свои не слышать. Качу по городу, рассекаю по улицам. Телефон тем временем разрывается от звонков тестя и Лены. Вырубаю к чертям.

Спустя полчаса катаний каким-то чудом оказываюсь у ворот больницы. Наваждение какое-то. Нахрена приехал? Глаза блуждают по окнам. Веснушка на пятом этаже лежит. Пытаюсь понять, какие окна принадлежит ее палате. В голове возникает мысль подняться к ней снова. Тянет отчего-то. Но сразу же отгоняю прочь этот внезапный порыв.

Завожу двигатель, но с таким же успехом глушу его. Потому что мои глаза натываются на женскую фигурку на лавочке главного входа больницы. Безошибочно распознаю в этой девушке Таню. Жадно наблюдаю за ней из салона своего авто.

Выхожу на улицу. Ставлю сигнализацию. И иду прямо к ней.

Очередное наваждение. Слишком много в последние дни стало в моей жизни Веснушки. Может, наплевать на все, посадить ее в тачку, увезти в отель и хорошенько там ее трахнуть? Никогда жене не изменял, но с Таней захотелось.

Отгоняю похабные мысли. Нутром чую, что не такая она.

Пока Веснушка меня не видит, продолжаю разглядывать ее. Серый короткий пуховик, который знатно потрепался во время аварии, белая шапочка, длинные медовые волосы, черные джинсы. Рядом на лавочке – порванный рюкзак и сумка с вещами.

Примерно на расстоянии метра она замечает меня. Тут же выпрямляется и натягивается струной. Нервничает девочка. Смотрит на меня во все глаза и молча провожает взглядом.

– Преследуешь меня? – проговаривает хрипло и поправляет свою шапку.

– Проезжал мимо, – по привычке выбиваю из пачки одну сигарету и выпускаю облако серого дыма. Веснушка отворачивается и забавно морщит нос.

Продолжаю пялиться на нее. Сидит на лавочке, выпрямив ноги. Рядом – костыли. Вся трясется. Кончик носа красный.

– Ты че тут на морозе сидишь? – мой голос звучит безразлично, а легкие наполняются дымом.

– Меня выписали.

Невинно хлопает глазками, смотрит на меня глазищами на пол лица и даже не представляет, как сильно это заводит. Так сильно свихнулся из-за стресса, что меня заводит какая-то зачуханная малолетка.

– И че домой не едешь?

– Я парня жду, – сильнее кутается в свой шарф, пряча холодный нос. Рассматривает свои ботинки. Глаза больше не поднимает.

– И где этот твой благоверный? – тушу окурок ботинком. Невольно хмурюсь. Что-то подсказывает мне, что Таня здесь не первый час сидит.

– Опаздывает.

– Так, поехали со мной. Я тебя отвезу.

Веснушка встрепелась и ошарашенно перевела на меня взгляд. Ее щеки залились румянцем и стали одного цвета с носом.

– Не нужно! Антон обещал скоро приехать.

– Я прекрасно вижу, как ты дрожишь, – против ее воли хватаю сумку и рюкзак. – В машине позвонишь и предупредишь, чтобы не приезжал.

Она хватается за костыли и аккуратно встает с лавочки. Я начинаю идти, и пока она не одумалась, веду ее к машине.

– Я не могу ему позвонить! У меня же телефон сломался!

Замираю.

– Я тебе телефон новый купил.

Она молчит, а меня раздражает от любопытства. Какого черта она не воспользовалась моим подарком? Гордую из себя строит?

– Я не могу принять этот подарок. Слишком дорогой. Я тебе потом не расплачусь.

Я пялюсь на нее, как на умалишенную. Она это сейчас серьезно?

– Чуть порешь, Веснушка. Не нужно тебе за него расплачиваться. Я тебе телефон разбил, взамен ему купил новый.

– Но...

– Не пищи, – я открываю перед ней дверь. Веснушка колеблется всего секунду. Терзает нижнюю губу, но все же садится в салон. Беру ее костыли и убираю в багажник.

Печку прибавляю на полную. Включаю обогрев сиденья. Сидит тоненькая. Дрожит вся от холода. Во мне просыпается первобытное желание согреть малышку, накормить и приласкать. Никогда такого не испытывал. Даже к Лене.

– Говори адрес.

Веснушка называет улицу, и я вбиваю его в навигатор. Дергаю бровью и бросаю быстрый взгляд на девушку.

– Это что промзона?

– Нет, – хмурит тонкие брови. – Обычный район.

– Обычный район в промзоне.

– Не у всех есть возможность жить в пентхаусе! – закатывает глаза и отворачивается к окну.

Вижу. Сразу как ее увидел, понял, что в деньгах она не купается. Обыкновенная нищенка, но с большим чистым сердцем. Я уж думал, что таких больше не существует.

Пока едем в полной тишине, понимаю, что во мне возникает дикий интерес узнать все об этой девушке. Где живет, кем работает, на кого училась, кто такой этот Антон, что сподвигло под машину броситься. Вроде открытая и простая как валенок, но есть в ней что-то, что меня цепляет.

А еще хочу понять, какого черта я так сильно ее хочу.

Глава 9

Таня

Обычно я не доверяю незнакомым людям. Не сажусь в крутую тачку к богатому мужчине, особенно в таком уязвленном положении, как сейчас. Когда я едва могу передвигаться на костылях, не то, что бежать. Но сегодня система дала сбой.

Сегодня во время утреннего обхода врач сообщил, что выписывает меня. Назначил мазь, таблетки и постельный режим в течение месяца. Антон обещал приехать и забрать меня, но просидев на холодной лавочке два часа, я поняла, что он забыл про меня. На душе тотчас стало гадко и паршиво, а еще обидно до стеснения в груди. Уже собиралась вызвать такси, как неожиданно рядом оказался Давид Багиров.

Этот мужчина преследует меня, не иначе. У него на лбу высечено “богатый сноб”, и такие люди, как правило, не охотятся за такими, как я. Так что ему от меня нужно?

– Учишься или работаешь? – глубокий мужской голос прерывает мои размышления, и я дергаю головой влево.

Давид внимательно следит за дорогой, его правая рука покоится на руле.

– Работаю.

Я позволяю себе посмотреть на него лишние секунды. До чего красив. О таких мужчинах можно мечтать перед сном, или рассматривать фотографии в интернете. Так сказать... недосыгаемая мечта.

– Где работаешь?

– В детском развлекательном центре “Мир сказок”, – ловлю на себе пристальный взгляд, отчего мне становится не по себе. Мурашки бегут вдоль позвоночника, прямоком к крестцу.

– Сопляков развлекаешь? – ухмыляется. – Аниматор?

– Нет, – качаю головой, пряча подбородок в воротник куртки. До сих пор не могу отогреться. – Я посуду там мою.

Отчего-то чувствую себя самозванкой. Обыкновенная посудомойка не должна сидеть в салоне дорогого авто рядом с мужчиной, от которого веет опасной харизмой и роскошью.

Давид молчит некоторое время, а я рассматриваю побитые носы своих ботинок.

– Училась где-нибудь?

– Это вопрос? – отвечаю уклончиво, бросаю в его сторону прищуренный взгляд. Я не дура, и прекрасно чувствую ее подозрительный интерес ко мне. – Почему ты так интересуешься мною?

Он дергает правым уголком губ, и смотрит на меня так, что я свожу колени вместе. Жадно. Словно я самый долгожданный десерт в его жизни. Надеюсь, он все-таки не маньяк и не извращенец.

– Обыкновенный интерес, Таня, – он смотрит перед собой. – Хочу узнать, что в голове у девушки, которая жертвует собой ради других.

Машина перед нами тормозит, и мы тоже останавливаемся на светофоре. Давид снова пристально рассматривает меня. Скользит быстрым взглядом по лицу: обводит черными глазами лоб, нос, опускается к губам. Им уделяет особое внимание.

Я чувствую, как мои щеки начинают гореть. И мне становится ужасно неловко от того, что я так просто одета. Обыкновенные черные джинсы и порванная в ходе аварии куртка. Вряд ли таким нарядом можно зацепить мужчину. Успокаиваю себя тем, что я у меня нет намерения понравиться ему.

– Я же объясняла уже, – ерзаю на теплом сиденье. – У меня младший брат такого же возраста, как и этот мальчик. Я верю в бумеранг добра. Сегодня я спасла этого мальчика, завтра кто-то спасет Славика.

– А кто спасет тебя?

Его вопрос застает меня врасплох. Я дергаюсь и ошарашенно смотрю на его лицо.

– Мне не нужен спаситель. Я все сама, – произношу хрипло и рвано.

Давид двигается ближе ко мне, парализуя своим взглядом. Ближе и ближе, пока между нашими лицами не остается пару сантиметров.

Загорается зеленый, Давид отворачивается и выжимает газ. Мое дыхание учащается, и если совсем недавно я дрожала от холода, то сейчас сгораю от жары. Дышу через раз, чтобы успокоиться.

– Что случилось с твоими родителями?

У меня срабатывает инстинкт самосохранения, и я закрываюсь. Возвожу вокруг себя воображаемые стены, накрываюсь куполом. Так происходит каждый раз, когда кто-то спрашивает меня о семье.

– Не твое дело, – отворачиваюсь к окну. – Слишком много вопросов для человека, который ничего не рассказывает о себе.

– Не щетинься так, Веснушка, – он усмехается и кончиками пальцем дотрагивается до моего колена. Это место вспыхивает искрой, и я моментально выпрямляюсь. Сердце пропускает удар, а потом пускается вскачь, как ненормальное. Что за дурацкая реакция, а? – Давай сыграем в одну игру. Я рассказываю о себе взамен на факт о тебе.

Машина Багирова въезжает в мой район. Я облизываю губы, и его взгляд моментально темнеет. Он хмурит брови, и сосредоточенно смотрит на мои губы. Я тоже не могу отвести взгляд. Кончики пальцев покалывают от желания провести пальцами по короткому ежику на его голове, прилгнуть к губам, почувствовать его на вкус.

Боже! Между нами происходит что-то странное и запретное. Настолько притягательное и необъяснимое, что меня начинает трясти. Внезапно мое периферическое зрение ловит неяркий блеск. И тогда я понимаю, что это его обручальное кольцо.

Меня словно холодной водой окатили. Я резко отворачиваюсь и смотрю вперед с неестественно прямой спиной.

– Ну, так что? – откашливается Давид, тоже отвернувшись.

Мне становится неприятно и... ревностно. Хотя я абсолютно не имею права на это чувство.

– Может, поиграешь в такую игру со своей женой? – с напором выпаливаю я. До меня мгновенно снисходит озарение. Женатый мужчина, устав от своей жены, ищет приключения с такими наивными малолетками как я.

И это у него очень хорошо получается. Я практически клюнула на его крючок.

– Нет никакой жены, Веснушка, – глубоким голосом произносит он. – Я в разводе, а носить кольцо... Привычка.

Смотрю на его лицо, пытаюсь отыскать намек на ложь, но ничего не нахожу.

– Я... Мне пора, – откашливаюсь ровно в тот момент, когда машина Багирова останавливается возле моего дома.

– Я помогу.

До того, как я успеваю запротестовать, Давид выскакивает из машины. Сначала помогает вылезти мне, потом достает из багажника мои сумки и костыли.

– Все, дальше я сама, – торможу его у подъезда. Не хватало еще, чтобы он вошел в наш грязный и вонючий подъезд. Тогда я точно сгорю от стыда.

Давид поднимает голову и скользит взглядом по обшарпанной пятиэтажке.

– На каком этаже живешь? Вряд ли тут есть лифт.

– На втором. Доберусь, не переживай, – усмехаюсь. Мне становится смешно от того, что он так сильно печется обо мне. Я прекрасно понимаю, что вся его забота – напускная. Он просто хочет со мной поразвлечься. И будучи честна, это мне очень сильно льстит.

– С братом вдвоем живете? – не унимается он, исследуя мое лицо. Мне становится холодно. На дворе глубокая осень, а моя курточка точно не предназначена для такой погоды.

– Мы комнату снимаем. В коммуналке.

Давид молчит. Снова разглядывает меня.

– Номерок не оставишь? – он тянется к заднему карману куртки и достает пачку сигарет.

– Нет, – улыбаюсь против воли. – Я не раздаю номер первым встречным.

– Правильно делаешь, Веснушка. Сейчас никому доверять нельзя, – делает шаг назад и закуривает прямо при мне.

О, боже, до чего он сексуально это делает! Но я не должна думать о чужом мужчине таким образом. У меня есть парень. А у Давида таких как я – бесчисленное множество.

– Хорошо, что я уже вбил себе твой номер.

– Откуда? – выпаливаю шокировано.

– Секрет, – кидает окурок на землю и тушит своим ботинком. – Давай ковыляй домой. Замерзнешь еще.

Я молча киваю и отворачиваюсь к подъезду. За моей спиной закрывается дверь, и я впервые за все время могу дышать полной грудью. Лицо горит, сердце бьется в припадке, во рту пересохло.

Подняться на второй этаж оказывается труднее, чем я представляла. Оказавшись дома, я некоторое время не зажигаю свет, чтобы он не понял, в какой квартире я живу. Аккуратно подхожу к окну и отодвигаю шторы. Давид стоит некоторое время у своей машины, курит, блуждает взглядом по окнам дома, а потом садится в машину и с визгом шин уезжает.

Шестое чувство подсказывает, что это наша не последняя встреча.

Глава 10

Таня

Как только переступаю порог комнаты, в нос тотчас ударяет неприятный запах. Поморщившись, кладу сумки на пол и начинаю ходить по комнате. Всюду разбросаны вещи Антона и Славика, под кроватью куча носков без пары, на столе грязная посуда с засохшей едой, мусорный пакет переполнен и с его вершины падают обертки от конфет.

Я сажусь на единственное чистое место на диване. Горло душит спазм. На глазах выступают слезы. Меня не было всего три дня, и за это время комната превратилась в свалку. Я не удивлюсь, если по стенам начнут бегать рыжие тараканы.

Вытащив из кармана новенький телефон, я набираю номер Антона. Он отвечает на третий гудок.

– Алло, – раздается его громкий голос.

Сердце сначала пропускает удар, потом начинает биться, словно в припадке. Из динамиков меня оглушает громкая музыка, женские визги и мужской бас.

– Антон, ты где? – мой голос надламывается.

– Танюх, говори громче, тебя не слышно.

Судя по звуку хлопающей двери и отсутствию посторонних звуков, он выходит на улицу.

– Антон, я спрашиваю, где ты?!

Кровь ударяет в голову мощным толчком. От распирающего гнева начинают покалывать кончики пальцев. Я злюсь на его равнодушие, на наплевательские отношения ко мне и, в конце концов, на оставленный беспорядок в моей комнате.

– У Денчика днюха, я же говорил тебе!

От обвинения в его голосе меня передергивает. Обида берет вверх над разумом, приглушая полыхающий гнев. И я продолжаю сдавленным голосом:

– Ты обещал забрать меня из больницы. Меня выписали сегодня.

– А, бляя... Прости, Танюх, забыл совсем. Ты еще там? Я сейчас приеду.

– Не надо! Ты же выпил!

– Да ниче, я всего поллитровку.

Я поджимаю губы. Антон часто мог сесть за руль после выпитого алкоголя. Он, конечно, пил только пиво и в небольших количествах, но меня напрягает тот факт, что сесть за руль в нетрезвом состоянии – для него не проблема.

Опустив голову, я начинаю разглядывать свои белые носки.

– Где Славик? Его нет дома.

– Я не знаю. Гуляет наверное.

Вздыхнув и окончательно разочаровавшись в своем парне, я стискиваю пальцами телефон и сбрасываю вызов. Следующим, кого я набираю, оказывается мой младший брат.

– Потрудись объяснить, почему ты не дома?

– Танюх, тебя выписали что ли?... – Славик пытается изобразить удивление, но я понимаю, что оно напускное.

– Слав, ты где? Я переживаю.

– Я в компах с пацанами.

– В каких еще компах?!

До того, как я успею что-то произнести, Славик бросает трубку. Даю себе несколько минут, чтобы успокоиться. Дышу через раз, сжимаю тебе фон в руке и пялюсь в одну точку на стене. Разум накрывает целый спектр эмоций: начиная с обиды, заканчивая разочарованием.

Собравшись с мыслями, резко поднимаюсь на ноги и выхожу в общий коридор. Я не могу позволить себе такую роскошь, как занятие прокрастинацией. Поэтому решаю перекусить, а потом приступить к уборке.

Вхожу в общую кухню, открываю холодильник и смотрю на нашу полку. Пустая. Еды нет. А я физически не смогу сходить в магазин за продуктами, да и денег особо нет. Их и не будет в ближайшее время, потому что завтра у меня должна быть смена в Море сказок, а я точно не смогу прийти, поэтому, очевидно, меня уволят.

На душе становится гадко. Желудок издает звуки голода. Хватаю с верхней полки булку и старые консервы, открываю, и кухня тотчас наполняется едким химозным запахом. Ем быстро, стараясь не чувствовать вкус.

– Танюшка! – дверь распаивается, и Надя влетает в кухню. – Выписали что ли?

Тяжелой походкой она входит в кухню и ставит на стул увесистый пакет продуктов. Надя – наша соседка, живет с мужем и двумя сыновьями через две комнаты от нас. Она навещала меня на второй день госпитализации, забежала во время обеда, фруктов принесла.

– Выписали, – пережевываю и глотаю.

Надя принимается раскладывать продукты по полкам. Она работает продавцом в ларьке за углом дома, так что с едой у них проблем нет. Иногда нам со Славиком помогает, когда становится совсем туго.

– Опять свою химию жрешь? – морщит нос и выхватывает банку со стола. Распахивает нижнюю дверцу и выбрасывает в мусорное ведро. Я даже запротестовать не успеваю. – Траванься вот, опять в больничку поедешь.

– Надь!

– Что Надь? Что? – утыкается кулаками в бока. Лицо красное, взгляд серьезный. – На вот! Пирожки утром испекла!

Отвернувшись к шкафу, достает из шкафчика большую тарелку пирожков. Мой желудок начинает предательски урчать.

– Надя! Мне не надо! Я сама!

– Сама, сама... Ты вон сама уже добегалась! – кивает на мою перебинтованную ногу. – Чай будешь?

– Буду, – бормочу себе под нос и тянусь к ароматным пирожкам.

Надя... Она как мама, которую я так давно потеряла. Ко мне и брату относится, как к своим детям. У нее первый сын на пару лет старше меня. Грозная, но ласковая. Ругает за отсутствие шапки во время холодов, следит за тем, чтобы я и Славик полноценно питались. Свою любовь именно через такие поступки проявляет.

– Антон твой совсем охренел, подлюга! – выпаливает, ставя на эмоциях чашки на стол. Чай выплескивает из краев, и Надя, ругаясь себе под нос, бежит за тряпкой.

– Что он сделал?

– Танюш, вы съехались что ли?

– Нет, – качаю головой. – Он иногда оставался ночевать у нас. Ему на работу ближе.

– Иногда? – хмыкает, вытирая руки. – Пока тебя не было, он прописался у вас! Холодильник весь смел, ни крошечки не оставил! На корыте своем тархтел под окнами рано утром, всех соседей разбудил! – Надя плюхается обратно на стул. – Я как-то заглянула к вам Славика проверить... Так чуть не умерла от сердечного приступа! Танюш, там такой бардак! Черт ногу сломит!

Я смотрю на коричневое содержимое своей чашки. Взгляд поднять стыдно. Это же мой парень, это я Антона сюда привела.

– Я его встретила вчера утром на кухне. Говорю, мол, Танюшку скоро выписывают, купи продуктов, стол накроем, посидим. Так он отнекиваться стал и сказал, что работы много. Ага! Видела я, как он работает, целыми днями диван ваш задом проминает! – Надя бурно жести-

кулирует руками, лицо покраснело от гнева. – Ладно сам гадит, так он еще и Славика твоего плохому учит! Я же его кормила все это время, пока тебя не было, разговаривали иногда и, знаешь, что я тебе скажу, Танюш... Славик в вонючее хамло превращается! Точь-в-точь, как твой Антон!

Надя качает головой и делает глоток горячего чая.

– Нет, Танюшка, ничего хорошего тебе не светит с этим Антоном... Беги от него, пока горя не нахлебалась!

Следующие полчаса мы с Надей разговариваем о моих буднях в больнице, соседка рассказывает про своего старшего сына Юру, которого недавно на работе повысили. Надя пытается отвлечь меня смешными историями про чудаковатых покупателей в ларьке. А потом из комнаты выходит ее муж Володя, кричит на нее, называет баламуткой.

Надя своего мужа побаивается, он у нее бывший военный. Тяжелый и злой человек. Слегка контуженный вернулся с горячей точки. Поэтому я благодарю ее за вкусные пирожки, и она убегает к себе.

В комнату возвращаюсь в подавленном состоянии. Едва сдерживаю слезы. Я сажусь на свою кровать и снова пытаюсь дозвониться до брата. Сбрасывает. Приняв горизонтальное положение, я отворачиваюсь к стене и даю волю слезам.

Глава 11

Давид

Вокруг полно заказных папарацци, которые не перестают ослеплять нас вспышками фотокамер. Вряд ли здесь есть независимые фотографы. Семен Юрьич неплохо подсуетился для сегодняшнего утра.

Блуждаю взглядом по толпе журналистов, приглашенных блогеров и просто посетителей, желающих одними из первых посетить наш новый ресторан. Не нахожу ни тестя, ни его жены. Гордость помешала прийти в то место, где буду я.

Взгляд перемещается на Лену. Белое платье-футляр с открытой спиной идеально сидит на ее точеной фигуре. Высоченные каблуки и укладка. Лена – изящная женщина. Красивая, харизматичная, но не любимая. У меня к ней давно отлегло, утихло, прошло. Не так давно это осознал.

Мое внимание привлекают овации и радостные возгласы. Лена уже успела перерезать ленту и теперь улыбается фотографам. Я смотрю на часы. Осталось поприветствовать всех приглашенных vip-гостей, и со спокойной душой могу сваливать в закат.

– Семейное фото! – кричит фотограф.

Лена оборачивается и бросает в мою сторону потухший взгляд. Выхожу из своего темного угла и подхожу к жене. Действую машинально: кладу руку на талию Лены, улыбаюсь фотографам. Жена делает то же самое. Каждой клеточкой своего тела чувствую исходящее от нее напряжение. С тех пор, как я объявил о разводе, Лена сводит к минимуму любое наше взаимодействие.

– Твои родители не пришли, – констатирую факт, когда папарацци от нас отстают, и вся толпа людей перемещается внутрь здания.

– Отец рассержен на тебя. Мама очень расстроена, – произносит сдержанно. Поднимает голову и смотрит прямо в лицо. – Я же просила тебя подождать с новостью. Хорошо, разлюбил, с кем не бывает... Но зачем так жестоко с моими родными.

– Я не был с ними жесток. Твой отец не оставил мне выбора, Лена. Я больше не сопляк, вот он и бесится, что не может дергать за мои ниточки.

– Ты невыносим! – шипит, словно гадюка, отодвигаясь от меня. На улице немногочисленно, так что можно больше не строить из себя образцовую семью.

Смотрю на наручные часы.

– Мне пора.

– Ты куда? – ошарашено хлопает ресницами. – Ты ведь обещал остаться!

– Я обещал открыть тебе ресторан и присутствовать на открытии. Свои обязательства выполнил. У меня дела.

Ищу взглядом свою машину и щелкаю иммобилайзером.

– Давид! – окликает меня, спустившись на две ступени вниз. Оборачиваюсь. Лена смотрит на меня во все глаза. Нервно дергает горлом. Светлые волосы разлетаются на ветру. – У тебя кто-то есть?

Усмехаюсь. Станный вопрос от человека, который ежедневно подозревает меня в изменах.

– Прости, Лен, мне правда пора.

К обшарпанной пятиэтажке приезжаю спустя полчаса. В центре девятибалльные пробки. Беру телефон и отправляю Тане сообщение:

“Я возле твоего дома. Выходи”

Ответ приходит незамедлительно. Ухмыляюсь. Ждала моего сообщения?

“Зачем?”

“Посидим в машине, поговорим. Я обед привез”

“Я не сажусь в машину к незнакомым мужчинам”

Не могу сдержать улыбку. А она забавная.

“Уже однажды села”

Серые кружочки сначала прыгают, а потом исчезают. Не знает, что ответить, или гордую из себя строит. А я не собираюсь останавливаться. Зря что ли ехал в эту промзону, все днище себе отбил.

“Выходи, Таня, я тебя не обижу. Обещаю”

Убираю телефон и смотрю на ветровое стекло перед собой. Поднимаю руку, без раздумий снимаю обручальное кольцо и кидаю его в бардачок. Таню, как и любую адекватную женщину, смущает этот символ брака. Будет лучше, если оно не будет лишним раз попадаться ей на глаза.

Спустя минут пять мое периферическое зрение ловит движение. Прихрамывая, Таня выходит из подъезда. Вместо порванного серого пухана ней коричневый короткий тренч. Слишком тонкий для такой погоды.

Ловко юркает мне в салон и смотрит на меня.

– Привет, – произношу глухо.

– Зачем ты приехал? – спрашивает совершенно спокойно, без претензий.

– Обед привез.

Откидывает голову на подголовник и лениво поворачивает голову в мою сторону.

– Обед у меня и дома есть, Давид, – усмехается.

От ее полуулыбки у меня в штанах хаос. В прошлый раз, после нашей последней встречи я весь вечер ходил со стояком. Пришлось круги наматывать по городу, чтобы дома Лена не задавала лишних вопросов. В ту ночь сон никак не шел, я разглядывал потолок, представлял, какие грязные вещи хочу сделать с этой невинной малышкой, и чуть не накинулся на жену. Вовремя себя остановил. Трахаться хотелось до одури, но Лену брать не хотел. Уже не то.

А в Тане мне все нравится. От наивного взгляда, до легкой улыбки.

– Полагаю, такого точно нет дома, – тянусь к заднему сиденью и достаю пакет с доставкой из ресторана. – Прокатимся?

Не дождавшись от нее ответа, я завожу двигатель и выезжаю с побитого двора. Таня сначала стесняется, а потом начинает любопытно рассматривать содержимое пакета.

– Что ты будешь?

– Я не голоден.

Замирает и ошарашенно хлопает глазами.

– Я одна не буду.

Скользко по ней взглядом. Простая, как валенок. Все эмоции на лице. Я не раз задавался вопросом, пытаюсь понять, что я в ней нашел? Думаю, зацепила меня своей легкостью, добродушием и наивностью.

– Тут эклеры есть. Будешь?

– Не люблю сладкое, – качаю головой и включаю поворотник. – Дай тот кусочек семги.

Подцепив вилкой рыбу, Таня аккуратно кладет ее мне в рот. А потом потрясенно смотрит на меня глазами на пол лица. Краской заливается и смущенно отворачивается к окну. А у меня кончики пальцем подрагивают от ее смущения.

Поддаюсь к ней ближе и произношу:

– Дай еще, так вкусно оказалось.

– Может сам? – бормочет.

– Сам не могу, – дураком прикидываюсь. – Руки заняты.

Бросает на меня взгляд, мол, да, ага, поверила, а сама все же тянется к рыбе.

– Ко мне сегодня родители Димы приходили, – проговаривает задумчиво, когда мы заканчиваем с едой.

– Кто такой Дима?

– Тот мальчик, которого ты сбил.

Бросаю в ее сторону мрачный взгляд. Не очень приятная трактовка этой истории.

– Что хотели?

– Откуда-то мой адрес нашли. Диму же сразу выписали и мы даже познакомиться не успели. Пришли с подарками, благодарили меня за спасение сына.

– Только и всего? – бросаю в ее сторону быстрый взгляд. – Они должны всю жизнь благодарить тебя.

– Они подарили микроволновку, – она пожимает плечами и мягко улыбается.

Я дергаю бровью.

– Серьезно? Микроволновку?

Откусив булку, она начинает жевать.

– Между прочим хорошую, – говорит, как только до конца пережевывает.

Я усмехаюсь. Она просто невероятная.

Остановившись на смотровой площадке, я глушу двигатель. Поддаюсь вперед и смотрю на ее лицо:

– Я хочу знать о тебе все.

Она молчит и начинает ерзать на своем сиденье. Заправляет выбившуюся прядь за ухо и терзает нижнюю губу.

– Куда ты меня привез? – осматривается по сторонам.

Прекрасно понимаю, что она пытается улизнуть от вопроса. Больше не давя, потому что боюсь спугнуть своей настойчивостью. Да и сам я вряд ли смогу раскрыться в ответ.

– Смотровая площадка, – откидываюсь на спинку, и завожу одну руку за голову. – Люблю это место за безлюдность и тишину.

– Здесь красиво.

Таня смотрит на меня склонив голову. Словно изучает и делает выводы в своей миленькой головке.

Я ловлю ее взгляд.

– Как прошел твой день?

– О... – она мгновенно мрачнеет. – Меня сегодня уволили.

Я хмурюсь, дожидаясь продолжения.

– Из-за ноги я не вышла на работу и начальница уволила меня. Теперь я вряд ли смогу так быстро найти работу.

Она погружается в себя, явно озадаченная случившемся. Но это целиком и полностью моя вина.

– У моей... знакомой свой ресторан. Я помогу тебя туда устроить.

Она вскидывает брови и смотрит на меня так подозрительно, словно я предложил безумную авантюру.

– Что я должна буду взамен?

– Поцелуй.

Она дергается. Быстро хлопает ресницами и распахивает губы.

– Не отрицай. По глазам вижу, что ты меня хочешь.

– Я не...

– Расслабься, я пошутил. Но с трудоустройством все равно помогу.

Ловлю себя на мысли, что люблю ее. Медового цвета волосами, россыпью веснушек, маленьким носом и пухлыми губами. Внезапно мне становится страшно. Страшно от осознания, что эта девушка может быть опасна для меня. Угрожать моей стабильной жизни, работе и браку. Она не выходит из головы, даже когда ее нет рядом. Мне хочется взять ее в охапку и увезти куда-нибудь загород, где будем только мы вдвоем.

Слишком импульсивные подростковые желания для такого взрослого мужика, как я. Нужно поскорее от нее избавиться, пока я не утонул в этом с головой. Но сначала я трахну ее. По-другому я не успокоюсь.

Тянусь к бумажнику в заднем кармане куртки и вытаскиваю несколько пятитысячных купюр.

– Возьми. Купишь себе шоколадку.

У Тани глаза на пол лица. Смотрит то на меня, то на деньги в моей руке.

– Мне не надо! Не возьму!

Упертая. Я сразу понял, что с ней не будет легко.

– Бери, – продолжаю с напором. – Не могу видеть, как ты ходишь в этом поношенном пальтишке.

Глава 12

Таня

Я чувствую стыд. Такой сильный и едкий, что готова провалиться сквозь землю. Щеки обдаёт жаром, я отворачиваюсь, чтобы Давид не видел мои пылающие щеки. Обычно мне все равно, что обо мне подумают, но только не с ним. Слышать, как Давид называет мою одежду поношенной – просто невыносимо.

– Я... Я, наверное, пойду, – я тянусь к ручке, нажимаю на нее и открывшаяся дверь выпускает в салон поток холодного воздуха.

– Стой, – Давид наклоняется и тянет дверь на себя. Он оказывается так близко, что легкие наполняются ароматом его ментолового лосьона для бритья. Боже, как он вкусно пахнет! – Никуда ты не пойдешь.

Он хмурит брови, но не собирается вернуться в прежнее положение. Он слишком близко, и мое сердце ухает вниз.

– Я не хотел тебя обидеть. Хочу тебе помочь.

– Не нужно заниматься благотворительностью... – я облизываю сухие губы и взгляд Давида тут же перемещается к ним.

Он усмехается и возвращает взгляд к моим глазам.

– Это не благотворительность. Я не так выразился. Я хочу сделать тебя счастливой.

Я замираю. Никто и никогда раньше не говорил мне таких слов. Даже Антон. Против моей воли Давид хватает деньги и сует их в карман моей куртки.

– Спасибо, – бормочу я.

Он молчит. Давид смотрит на меня долгим взглядом и, затем, протянув руку касается моих волос.

– Красивые... Никогда не видел такие медовые волосы.

Я перестаю дышать.

– М-мамины... – начинаю заикаться я.

Не отводя от него широко раскрытых глаз, я чувствую, как он играет пальцами с моими волосами, замирает на несколько секунд, а потом тянется к моему лицу.

Сердце бьется в припадке, намереваясь вырваться из грудной клетки. Шумно вздохнув, Давид смотрит на меня немигающим взглядом, а я боюсь пошевелиться. Его большой палец ласкает кожу моей щеки, а я внутри схожу с ума от нежности его прикосновений.

– Чистая, нетронутая и невинная... – продолжает он. А я не верю своим ушам. Он это говорит про меня?

Давид придвигается ближе. Сантиметр за сантиметром. По телу растекается тепло. Затаив дыхание, чувствую, что атмосфера вокруг нас меняется. Воздух становится тяжелее и горячее.

– За что ты такая свалилась мне на голову... – спрашивает охрипшим голосом.

Мы тянемся друг к другу одновременно. Встретившись, соединяемся в поцелуй. Поначалу просто касаемся губами, а затем Давид перехватывает инициативу. Фиксирует затылок пальцами, впивается в мой рот.

Я рефлекторно свожу колени от скопившегося между ног возбуждения. Меня сейчас разорвет от переизбытка эмоций, в легких не хватает воздуха, и я жадно тяну его ноздрями.

Отстранившись друг от друга, я широко распахиваю глаза и смотрю на Багирова красная, как рак. Он же, в свою очередь, абсолютно спокойно возвращается в прежнее положение, тянется к сигаретам на приборной панели и выбивает одну.

Абсурдность происходящего сшибает с ног. Салон дорогого авто, я и Давид Багиров. Наш поцелуй.

– Поздно уже, – он блуждает по мне жадным взглядом. Он сосредоточен и немного зол. На скулах напрягаются желваки, ноздри широко раздуваются. – Беги домой.

– Х-ххорошо, – не нахожу слов, кроме этого. Быстро отвернувшись, я дергаю за ручку.

– Нет, стой, – останавливает меня скрипучий от возбуждения голос. – Напоследок.

Дергаю головой. В глазах Давида ловлю желание и нетерпение. От того, как жадно он на меня смотрит, сердце пропускает удар. Голова кружится то ли от недавнего поцелуя, то ли от нахлынувших чувств.

До того, как я успеваю опомниться, Давид впирается в мои губы. Снова. На этот раз жестко и неконтролируемо.

– Блядь, какая же ты сладкая, – рычит прямо в губы. – Теперь иди.

Не помню, как я выскочила из машины. Не помню, как он уехал. Я пришла в себя только в своей комнате. Прижавшись спиной к двери, я пыталась унять бешено колотящееся сердце.

Глава 13

Таня

Я не успела снять верхнюю одежду, как домой вернулся мой младший брат. Он хмуро оглядел мое лицо, буркнул резкое “привет”, и прошел мимо меня к своей кровати.

– Я потеряла тебя, – я пыталась поймать его взгляд, но Славик уткнулся в свой телефон и не поднимал голову.

Прихрамывая, я подошла к нему и присела на край кровати. Он отвернулся, словно я обидела его и теперь он на меня злится.

– Слав... – моя руки поглаживала его коленку, но он, словно маленький обиженный дикобраз, резко дернул ногой, чтобы я больше не притрагивалась к нему. – Что происходит, Слав?

– А ты не видишь? – он огрызнулся и его глаза цвета ясного неба впились в мое лицо.

– Нет, не вижу. Объясни мне. Я что-то сделала не так?

Единственный из нас двоих, кто должен обижаться и вести себя подобным образом – это я. Я не слепая и прекрасно вижу, что младший брат относится ко мне, как к дохлой мухе под своим ботинком. Он единожды навестил меня в больнице, и то потому что Надя заставила и Славу, и Антона приехать ко мне. Слава постоянно огрызается, отмахивается, хамит и почти со мной не разговаривает. Будто я – самая главная проблема в его жизни.

Я включила настольную лампу, и он резко накиннул капюшон толстовки на голову. Но до того, как он успел спрятаться от меня, я успела увидеть синяк на его щеке.

– Все ты сделала не так! – он закричал, посылая мне полный ненависти взгляд.

– Слава... – прошептала я, не веря увиденному. – Тебя обидели? Кто тебя ударил?

Синяк на лице младшего брата был явным доказательством рукоприкладства, и в этот момент я почувствовала, как в грудь распирает от гнева.

– Никто, – он еще больше вжался в угол стены.

– Славик, милый мой, – я осторожно потянулась к нему. Мои пальцы смахнули светлую челку с его глаз. – Скажи мне, кто это сделал.

– И что ты сделаешь? – он горько усмехнулся, бросая в мою сторону насмешливые взгляды. – Пойдешь разбираться? Да ты ничего не можешь!

В области сердца неприятно кольнуло, и я проглотила наполнившую рот горечь. Славик закрывался от меня всеми возможными щитами и стенами, и мне никогда не удавалось пробиться сквозь них. В детстве он был самым милым ребенком, у нас была особенная родственная связь, и я наивно полагала, что так будет всегда.

Но после того, как мы потеряли родителей, он отдалился. Закрылся от меня, спрятался от всего мира. Сначала я думала, что таким образом он по-своему переживает потерю, но со временем Слава стал винить меня во всех наших проблемах. Он мог часами зависать в компьютере, а я не трогала его. Во-первых, у меня не было времени бороться с его компьютерной зависимостью, я работала сутками, чтобы оплатить счета. Во-вторых, я полагала, что в виртуальном мире игр он забывал о том, что так рано стал сиротой.

– Это все из-за тебя, Таня! – наконец его купол дал трещину, и все, что копилось у него внутри – полетело в меня. – У нас никогда не бывает денег! Мы живем в убогой халупе с алкашами-соседями, я хожу в поношенных шмотках, и даже не могу позволить себе крутой телефон! У всех моих одноклассников уже давно айфоны, а все еще хожу с этой дешманский плюхой!

Славик замахнулся и его телефон полетел в стену, разбившись на несколько частей. Я вздрогнула и ахнула, прикрывая рот рукой. Слава тяжело дышал, с глазами на пол лица смотрел на меня так, словно готов придушить голыми руками.

– Я хотел прийти в компьютерный клуб, чтобы поиграть, но меня выгнали оттуда и вдобавок ударили за то, что я – отброс! У меня даже нет друзей из-за того, что никто не хочет общаться со мной! Все называют меня бомжом!

На глазах Славы выступили слезы. Как и на моих. Я задрожала, как осинový лист. Дергала горлом вновь и вновь, пытаясь проглотить набухший ком. Как же было больно...

– Слава... Я ведь так сильно стараюсь ради нас двоих... Я много работаю, но без образования меня не берут на хорошие должности, – слова выходили из меня рваными хрипами. – Мы живем в меру своих возможностей. Мы не можем позволить себе дорогую одежду и новые модели телефонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.